

GEMMA MAGICA

Н. А. КРАЕВИЧ

ЛУЧ БЛАГОДАТИ

Salamandra P.V.V.

MMXII

GEMMA MAGICA

**Материалы и исследования по истории
магии и оккультизма**

X

Salamandra P.V.V.

Н. А. Краевич

ЛУЧ БЛАГОДАТИ

или писания Н. А. К.

Salamandra P.V.V.

Краевич Н. А.

Луч благодати или писания Н. А. К. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2012. – 68 с. – PDF. – (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. X).

«Луч благодати» – единственная книга масона и мистика Н. А. Краевича (1757 или 1758-1790), весьма почитавшегося русскими розенкрейцерами и прежде всего И. В. Лопухиным, который и издал наследие Краевича.

Краевич ценился масонами и как человек, обладавший «Vöhmí'ческим просвещением» (Лопухин), и как визионер, выдвинувший лозунг «Всяк из нас должен быть Бемом» и выступавший против книжного умствования и мистической «кудрявости».

К изданию, снабженному примечаниями и кратким биографическим очерком, приложен посвященный Краевичу «Надгробный памятник» М. Н. Баккаревича, литературного наставника В. А. Жуковского.

ЛУЧ БЛАГОДАТИ
или
ПИСАНИЯ Н. А. К.

*Божия никто же вестъ, точию
Дух Божий I Кор. гл 2. ст. II.*

*Аще кто не родится свыше,
не может видети царствия
Божия. Иоан. Гл. III. ст. 3*

ПИСЬМА К Л***

1.

Посылаю к вам, яко сердечному и любезно-ближнему моему, бумажку, о которой я и сам не знаю, что сказать. По нечистоте моей нельзя быть чистому; рассмотрите сами. Скажу только, что я нечаянно и без приготовления всякаго написал сие; получа, не знаю отколь, вдруг как клубок, из мыслей сих скатанный, и сие случилось при молитве по утру. Я едва успел положить на бумагу, спеша, чтоб не позабыть; и написал точно так, как пишут обыкновенно из готоваго, и без малейшей перемарки. Скажите мне, дражайший мой друг, не... ли в светлой одежде, дабы как нибудь разсеять меня; или тут худаго и погибельнаго нет ^(а)?

2.

Болезненное страдание, в котором я нахожусь близ года, есть крестная купель, где я должен противу поврежденной и изнеженной своей воли омыться, очиститься и просветиться и ми-

^(а) Прим.: сие письмо писано при посылке пиесы: П о м н и Е в а н г е л ь с к о й б р а к и проч. 1789 года, Апреля 2 дня.

ром помазаться. И так все, кажется, старания о облегчении меня суть и будут тщетны. Я хотя и признаю, что сие со мною действие продолжается по воле Божией, однако не без ропота сношу; да и как без того, человек-то есть. И Сам Бог, будучи человеком, отсылал чашу скорбей, которую Ему пить определено было. За сие хоть побраните, но я написал то, что думал; я дурен и духом и телом, следовательно не скрываю пред вами дурноты моей.

3.

За письмо ваше и за совет о службе благодарю с чувством братским. Я оставляю и сам статью сию на промысл Божий, будучи доблестно уверен, что попущение Его там токмо будет, где я и в чем я не сделаю помехи духовному моему благоспеянию и Божественной Его в душе моей алхимии, производимой чрез Бога Духа, яко вечнаго Исполнителя совета и чертежа (плана) Святыя Троицы.

О себе скажу, что я изряден, но желаю знать о вашей простуде, кончилась ли она, и каковы вы? – Писать больше не знаю что, разве сказать сказочку, буде не наскучу вам, и буде есть досуг прочесть; и так внемлите:

Один человек, стараясь по возможности своей быть верным рабом Господу своему, искусился

в одно время от старой своей обруганной, обезчещенной и изгнанной из места веселия прелюбодейцы (плоти), которая ему предложила дело татьбы, и уговорила его хитросплетенными лжами, что можно и от инуды перебраться во двор радости и мира для снискания и стяжания себе пажити; уговорила и показала путь.

Сей человек, не испытав, чей был глас и дух, движущий его, принялся за оружие и пустился в путь.

На пути сем молитвою и другими упражнениями, относящимися к разным духовным операциям, и даже наконец роптанием, склонил и подвинул Всемогущество и Любовь оправдать пред сею недостойною тварью судьбы Свои и обличить его в дерзости и заблуждении.

Он допущен был до некоей странного вида ограда, чрез которую некоторым подпрыгиванием или взлетанием, мудрено делаемым, что-то видел, чего не знает и сам. Но приметя, что виденное им не сделало на него ни малейшаго влияния ^(*), и чрез то не давало ему знать о

^(*) Так как бы написанное на картине солнце, кое хотя и видит, но не пользуясь бальзамическим его влиянием, не может об нем сказать, что оно есть по силе своей. Там же, видно, познают вещи не по фигуре, но по тому, что оне суть.

себе, что оно есть; приписал все сие мечте и вздору, и едва токмо начал было опускаться к базису оной ограды, как вдруг услышал страшно громкий голос: *Аз есмь дверь!*

За гласом сим пустился он весьма быстро, и конча вместе с эхом гласа сего свой бег, увидел и подлинно некую дверь, или лучше сказать, щель весьма низкую, но широкую так, *что все бы люди мира сего могли пройти вдруг, буде бы токмо не мешала величина их, и буде бы могли себя изпразднить от тучности духовной и быть нищими духом, дабы взлетать туда могли.*

К сей двери все вещи стоят челом своим так, что буде бы, кажется, кто вошел в нее, то все бы они литься чувствительным образом начали в него, и он бы разумел их не так, как видел тот с боку не позволенным образом, но разумел бы и знал по духу и вкусу их.

Человек оный подшел однакож к двери сей; но ах! жалости достойно! он стоял перед нею так, как бы исполин пред дверьми Лилипутцев; и тогда, когда он не знал и думал, что с сим ростом делать, и как отколь лезть, увидел над головою своею из за ограды показавшееся крыло, на коем изображен был в картинах весь процесс крестной жизни *Иисуса*, и последняя была картина распятие Его на кресте.

Сколь скоро обозрел он все сии явления, то паки услышал глас: *из яслей путь проложен сюда!* И тогда отверзлось в нем понятие не фигуральное, но другое какое-то, о всем этом, чрез которое обратился он в себя и увидел свое заблуждение и святотатство; увидя наконец и то, сколь праведны суды Божии, не допускающие нас неготовых к тому месту, где бы мы, в поврежденном состоянии своем озарясь тамошним просвещением, учинились тотчас Сатаною, и погибли бы на веки; он стал осторожнее и познал, что крест единый есть из всех путей надежнейший, и *жизнь Иисуса*, которая не иное что есть, как то же крест, есть дверь в святыню сию.

Смирение его (Иисусово) и крайнее отвержение самого себя есть и подлинно низкая и весьма поземная щель для нашей гордости и себялюбия, которую не унизишь другим путем, кроме того, который лежит, или проложен *из яслей во Святая Святых*.

И так видно, любезнейший друг, должно и нам новое рождение свое начать в яслях и из яслей, дабы не перерости меры дверей и не ошибиться дорогою в нашем шествовании к святому месту, где ждет нас Иисус со мздою за труды.

Вот вам повесть, которую я сего дни слышал и вам сообщаю; за тем будьте здоровы, и верьте,

что я желаю и стараюсь быть вечно с вами во Иисусе.

4.

О повести вы отгадали, с кем она случилась; так отгадывайте и впредь, буде что будет отгадывать.

Подробного описания, любезный мой друг, не требуй от меня. Я сообщаю ее вам, NB собственно и лично вам, любя вас безмерно много, пострадал и за то; и ах! едва ли и теперь еще не страдаю!

Сообщение сие сделал я не в порядке, и крепясь долго, не вытерпел наконец, чтоб не разделить с вами; чем преступя наказание (научение) духа, воздыхаю ныне о незрелости еще и крайней молодости моей в таких вещах.

Не должно, дорогой мой друг, и поверь моей хоть малой опытности, что не должно говорить о случаях и видениях таких, дондеже достигнем всецелаго царствия Божия, и дондеже не приложится тебе все прочее; не так, якоже кажется всколзь и устраненно, но якоже есть.

Едущий в П* безумно сделает, буде залюбуется принадлежащими П* дачами, остановится на пути и станет описывать приятелям красоту их. Таковой потеряет жар желанья и рвения своего, скорее ехать к своему предмету,

и возмнив о просвещении своем, почувствует в себе сытость (самодовольствие), и потом в предвериях оных или обителях (понимая сие духовным образом) закружась от просвещения собственного своего света, или лучше сказать чада, станет описывать не иное что, как вертиж свой; и потом падет, буде любовь Божия не явит ему милосердия Своего, подобно как герою повести нашей.

Друже мой почтенный, сердечный брате и ревностный спутниче! не соблазнися о мне, что я умалчиваю как о подробности повести, так NB может быть и о многом толковании виденных вещей. Сие пребудет не явленным дотоле, доколе NB и паки NB могу или выучусь сказать я без я.

Помни сие и ни о чем столько не прилежи, как чтоб быть в духе, душе и теле совершенно без я ^(a). Потом помни, что *ясли и крест две суть монеты, коими покупается царствие Божие*.

Опять NB крайней бдительности потребно, дабы на сих монетах выпечатан был собственный

^(a) Зрите, колико беспорядочна любовь моя к вам; теряю всю скромность и пишу, аки бы в наставление. Примите сие за знак великой моей откровенности к вам и за желание обходиться с вами не всегда по обрядам и обязанностям внешним.

образ Христов; ибо я видел и не лгу, что многие изплеваны были и будут с фальшивыми сими монетами, на коих выпечатан образ их, а не Христов; и которые даже много имели крестной жизни во время свое, и дела смирения, кажется, были всегдашними делами их. Сего-то ради часто нам должно говорить горячо и слезно: *Боже! даждь нам во свете Твоем узрети свет!*

Из яслей путь проложен во Святая Святых, весьма громко сказано; и потому сие достойно внимания, равно как и то, что духовное крещение оканчивается хором *Исаие ликуй...*

Любовь моя к вам заводит меня от часу далее, и так кончим, моля и прося Всемогущаго и неизреченно много изобильнаго дарами Бога, да дарует нам телесное здравие, душевную чистоту и духовное смирение. Кто сих трех даров не имеет, тот пусть отнюдь не берется за перо описывать вещи духовныя, хотя бы ему оныя иногда и явлены были.

От чего заблуждался Шведенборг, да и другого Автора (*), (коего не смею сказать) от чего сочинения на многих местах человечиною пахнут? От того конечно, что не утверждены были в сих трех дарах, на которые единственно возседает Дух Божий, и делает нас во внутренности

(*) Порд...

подобными тем многоочитым и везделичным животным, кои фигурально явлены были рабу Божию Иезекиилю. NB в сих трех дарах совершенствовать себя надлежит сверху; с низу же нельзя, и не есть путь истинен, аминь!

5.

Прилагаемая здесь бумаги лежали у меня написанными долго, и я, поруча их Богу, ожидал всегда явления воли Его. Наконец по нетерпению моему дерзновение имел прашивать, как сему благоволит Он быть; но оставался однакож без *да* и без *нет*.

Поступок мой к сообщению вам повести в то время, когда я еще имел самостию преисполненное сердце от радости прыгающим, покарал меня довольно, и научил быть в таковых делах посерьознее; и так я зарыл было их в дальний мой сундук, боясь исполнить мою волю, не будучи известен о Божией.

Не занимался я уже вовсе мыслию, сообщить ли мне сообщаемое вам, или нет, как вижу в прошедшую ночь в весьма благоговейном и несмешанном сне, вот что:

Ты, любезный друг, и еще Н. И. и тот, который приезжал с вами в тот вечер (И. А. П.), когда мы простились и я уехал из М... тож и я, пришли куда-то в виде странствующих, и в

царство, кажется, особаго Христианства, не знаю за чем. Пожив несколько, вам особливо так там полюбилось, что вы, подружась с каким-то Пастором, или того закона Священником, но чиновным, стали просить его о определении вас чем ни наесть в церковный причет. Мы все трое вам в том не мешали, а вы, объявя нам намерение свое, сказали: что вить же мы, братцы, едим хлеб города сего, так сем принесем по силе и услугу ему. Я буду служить, а вы мне помогайте.

Наконец назначен был день принятия вас в службу.

Пришли мы все трое в один огромный дом, где в зале стоял богатоубранный под балдахинном стол, и на нем чаша с миром; подле стола стоял Священник в одеянии, крайне блистательном, и ожидал вас. Сколь скоро вошли мы в залу; то услуга церковная, взявши вас под руки, подвела к столу.

Священник помолясь, с коим купно и мы молились, начал вас мазать миром, и помазав вам лоб, очи, уста и уши, остальное миро, обнаживши вас до пояса, вылил на вас. От чего, кажется, вы даже вспрыгнули от радости духовной, которая отлилась также и на нас, и мы аки бы услаждены были чем.

Вы, одевшись и пересказывая нам, как вы приняли ощутительно Божию благодать, бросились по карманам, и сколько нашли денег, по-

слали тот же час раздать нищим; однако сказали вам, что здесь нищих нет, и нищае вас не отыщете. По сем вы призадумавшись спросили: кудаж мне девать эти деньги? На что вам сказано: брось, они здесь не ходят.

После сего кто-то из братьев, подступя к Священнику, начал его весьма благопристойно спрашивать, на что вас мазали миром; и что вы и мы крещены и миром мазаны? Он на сие отвечал, что всякое крещение без сего крещения, не совершенно и не чисто; ибо тем очищается от клятвы тело, а сим дух, которому чрез сие токмо единственно крещение возвращается потерянное им право наследства и усыновления. Окончав сии слова, взял он вас за руку и повел в близь стоящую, весьма великолепную церковь, куда пошли и мы; но едва лишь отворил он дверь и в нее мы вошли, то поражены были ужасом, увидя ее всю закоптелою, как крестьянскую избу, и захарканною весьма дурными мокротами.

Должность твоя, оборотясь к вам сказал Священник, обмывать и очищать сию церковь. Закоптелость в ней происходит от того, что не из чистаго воска ставят свечи принадлежащие сюда прихожане. Они все то делают лишь для одного наружнаго вида, чтоб только горели свечи, и чтоб их похваляли за усердие; о том же, каким и как должно в храме Божиим гореть свечам, не помышляют. Пол сей захаркан (и даже с

низу, так как на аршин, и стены) больными. Вразумляй первых и запрещаай последним; вот твоя должность.

В продолжение всех сих слов вы, стоя, плакали горько (якоже и я теперь, писавши тебе, мой милый друг, строки сии), прочиеж братья, равно и я, во сне не плакали. Наконец Священник спросил вас: о чем же ты плачешь? Вы не отвечали ему ни слова, а плечами лишь пожали. Потом он сказал: ты в должность сию пожелал сам, и так да не будут слезы твои слезами разкаяния, но молитвы. Оконча сие, он нам откланялся, и давши брату Н. И. какую-то книгу, пошел в алтарь, коего мы не видали, и который затворен был.

Идучи на квартиру, выпросил я дорогою у Н. И. книгу, дабы заглянуть, что в ней написано, и развернувши, увидя ея напечатанную славенскою печатью, начал читать сии точно слова: «Доброб было человеку быть всегда так, как при пожаре. Он тогда стоит на кровле дома и безпрестанно ее поливает водою, дабы падающия искры не зажгли дома. Дурныя наши мысли, падающия и осыпающия наше сердце, достойны того, дабы мы молитвою и теплым воздыханием поливали и заливали их безпрестанно; ибо одровенелое (слова сии как теперь вижу красными буквами напечатанныя) сердце наше

тотчас загорится и наделает потом много бед и трудов». Посем я проснулся.

Не вывожу я из сего ни того ни другаго, и не придираюсь к этому, дабы сего ради послать к вам бумаги сии; но посылаю их к вам из единой моей к вам любви и желания смиренно выслушать ваше на все это примечание, которое принимал я всегда и принимать буду с должным уважением и покорностию, принадлежащею другу, брату и внутреннему водителю. Сбылось ли сие с вами, или сбудется, да будет в честь и славу Божию, о коей пецись по силе всякому из нас должно.

Вы же, сердечный и дорогой мой брат, прибавьте молитвы, дабы зреть свет истинный не в преломлении лучей, но якоже оный есть. В сем состоянии будешь исправен в должности, какою ты помазан, или помажешься, буде я не химеру выпал. Прощай, целую вас духом (*).

Картину (**) получил и благодарю за присылку; дерзаю сказать, чтоб вы были гораздо и гораздо поскупее в раздаче их.

(*) Прим. Сие письмо покойный К. писал, посылая пиесу 2-ю: Селения Святых, и следующую за нею ноту.

(**) Изображение храма природы и благодати, сделанное Л***.

7.

Буде знать хочешь о состоянии моем внутреннем, то оно во славу Божию зреет хорошо, и я не сиротствую. Спасителю нашему, Господу и Искупителю Иисусу Христу да будет честь и хвала! Он со мной, при мне и во мне безотступно.

О когда бы ты, мой друг, точно узнал, что я говорю не общим языком, что во мне и при мне, пролил бы ты от радости слезы, видя внутреннее состояние мое! хотя при всем том наружное есть для плоти... сам можешь измерять, как ково.

8.

Купель моя, кажется, довольно горяча; но да будет воля Крестящаго! Помолись, друг мой душевный, да не паду, или преткнуся о камни, которыми часто бываю заметан от нашего врага.

9.

Примечание ваше на картину я читал; но что ничего вам не отвечал, так потому, что я теперь не знаю, что сказать, кроме того, что прошу и молю Спасителя, дабы Он всегда был к вам столь милостив и щедр, сколько есть; да не от-

женем только сами Духа Его, чрез духа собственного мудрования.

Присланную книгу (*), когда только мог хотя по строчке читать, читал с крайним удовольствием, и при всем том, что в ней в иных местах природы много; однако для не млеко уже питающихся книга полезна и добра крайне. Не надо только каждому советовать читать такого рода писаний, ибо они не чувствительно крайний вред сделать могут. Мы по нашему невежеству тотчас станем искать в себе Гионши, или Бема, а себя бросим.

Без сомнения, что всяк из нас должен быть Бемом (a). К сему призывают нас верховные путеводители духовные, и се есть конец нашей работы. Кто не будет Бемом, тот все труды свои, знания, чтения пусть бросит в навоз; но Бемом однакож, по скольку кто может, и по скольку вечный Дух каждого принять в Себя может, аминь!

(*) Перевод изъяснения песни песней Гжи Гион. Писавший сии письма никакого иностранного языка не знал.

(a) Прим. Сие должно разуметь в рассуждении возрождения и просвещения в Премудрости; но в прочем каждому определена особая мера света и дарований от Бога. Истинная же и совершенно полная мера возраста показана нам в Иисусе Христе, как-то говорит и Св. Апостол Павел, к Ефес. гл. 4 ст. 11. 12. 13.

10.

Отраднейший друг мой! благодарю моего Бога, что Он, видя немощь мою и крайнее изнеможение на теперишнем пути моем, благоволил близь меня быть не тем людям, которые великому Предшественнику нашему на кресте дали оцта с желчию к благословляющим устам, просящим хотя в сию точку времени из всего тогда страдательнаго бытия Его прохлады; но прохлаждающим точно, и точность сия тем действительнее, что дело благословляется Богом за любовь.

Но горько, мой друг! был ли полно когда между истинными братьями кто либо столь земносиротен, как я? Целые дни один; душа же наша поминутно хочет обращаться с существом, ей подобным, не могши, и ах! иногда и долго, с Тем, Кому она еще может быть худо себя уневестила.

11.

*В июне 1790 года,
за три недели до смерти писавшаго.*

Кресла, чай и деньги получил с любезным благодарением Богу, что Он хотя и определил меня вести до черты, Им назначенной, под

разнородными крестами; но в кресте бедности благоволил быть врану. О Илия! о друже Божий! Я крайне еще далек от праведности твоей, но пользуюсь из единыя любви Бога нашего тем же, чем ты. Блаженный и светлый дух твой да пропоет пред Саваофом, аллилуиа! ибо мое пение по нечистоте своей не может достигнуть туда!!!

СОЗЕРЦАНИЯ.

I.

Помни всегда Евангельский брак. В нем означены три великой важности состояния души: первое *призывание*, второе *украшение*, третье *празднование*.

Возращение также имеет три степени: первая *призывание*, когда душа, по силе действующаго в ней Бога Духа, начнет разсматривать себя, и возмерзя собою, станет молить и воздыхать о очищении своем. Степень сия приводит таковую душу к степени второй, вторая же степень называется *деятельная*, а по Евангельски *степень украшения*. Тут должна душа переменить устную молитву свою на творительную, и желание на самое дело.

И когда в сей высочайшей и великой степени душа украсится; то есть, претворит себя в точный образ Христов; и по искушении, кое Бог для нее употребит, явится она не пред собою, но пред Богом, подлинно претворенною (пресуществленною), а по Евангельски в брачную одежду облеченною; тогда, не имея уже нужды ни молиться, ни мыслить о добродетелях, ниже насиловать себя на всякое доброе дело, или внима-

тельно быть на себя (заниматься собою, примечать за собою; ибо таковая душа претворяет добродетели не токмо в дела, помышления, желания и слова свои, но даже в дыхание свое, в натуру свою) переходит она к *последней и верховной степени возвращения*, а по Евангельски празднования; где без всякаго насилия и без всякаго навыка, в недействии (онемении, остолбенении), но по влечению Самаго Бога, душа втекает в Него с непонятною свободою и восхитительным ужасом; с Ним соединяется и празднует (ликует) в Нем сверхчувственным и сверхпонятным образом.

Многия души прилежат к важнейшему и таинственнейшему возвращению сему насильственным и учебным образом, не усовершенствовав и не быв подлинны в степени второй. Они лишь тратят время, делая себе науку из того; и мешают сами себе радеть о одежде брачной, т. е. о кротости, любви, терпении и высоком отвержении Христовом. Хотя им по частно и дается иногда успех; но токмо для испития чаши при *браке изгнаннаго*.

Слава Тебе, Иисусе, явившему сие благодатию Твоею! аминь! аминь! аминь!

II.

*Боже! Сам вразуми мя и научи, како реку о
просвещении Твоем, и даждь ми
избыточествовати в правде!*

Селения Святых изчислить, познать и изрещи, колико их есть, не возможно.

Они занимают пространство неизмеримое, и составляют акибы некия шеренги (линии), друг над другом возвышенныя: и сие не фигурально, но некоторым отненением.

Из центра токмо их, который есть царство Любви-света, и к которому они обращены, отколь они оживлены, пред коим они отверзты и обнажены, можно их не ложно и истинно видеть, и можно сказать о лепообразности их, и не в мечтательном восторге рещи: *дивны дела Твои, Господи, и чтуций их, то есть, во свете Твоем видеший и проницающий сияние и красоту их, единую радость обретают!*

Сверх сего и кроме сего, возможно их также видеть и перифериально, акибы избочно или вскользно, и весьма в диковинном лепообразии. Можно иметь об них некоторое понятие искаженное, или не знаю как сказать, изуродованное, против познания центрального, можно потому

и описывать их и утверждать о видении их, что и не ложно будет. Понеже сим образом зрит их и Сатана, и из сего-то NB перифериального познания составил он себе особенную свою мудрость и собственный свой свет, чрез которые может он открывать даже и нам (да сохранит нас Бог!) величайшия таинства в натуре, в священном Писании, и даже таинства о Боге, о Христе и Святой Троице: хотя и не так, как все то есть в откровении Любви-света, но так, как он из собственной точки зрения видит их.

Из сего-то и высоко- и тонко-ложного света и мудрости произойти имеют лжепророки, лжеапостолы, лжехристотолкователи и даже мученики и чудотворцы, и составят антихристическую церковь.

Многие ими прельщены, и учением их и откровением многих таинств очарованы будут; почему отщепятся истинного, убогаго, в яслях рожденнаго, оплеваннаго, измученнаго, распятаго и на кресте умершаго, то есть, сего истиннаго Христа, Сына Божия, (при сем слове появилось крыло со изображением всего страдания и смерти Христовой) и церкви Его, и привергнутся ко христу ложному и к его церкви и к писаниям другим, которыя хотя будут преисполнены святым Писанием, тончайшим учением и толкованием о Троице, о Христе и о Его церк-

ви, но будут однакож ложны, и увы! духом са-
маго Сатаны писаны.

Антипророки и антиапостолы сии будут од-
нако из сынов истинной церкви Христовой, и
даже из званных в царство Любви-света для
помазания. Они надмеру возревнуют о созерца-
тельном просвещении своем, и паче нежели о
действительном успехе в кресте Иисуса. В сем
состоянии будут они проходить многия селения
Святых, и узрят, яже око не виде, и яже ухо не
слыша, но не яже, при всем том, на сердце че-
ловеку не взыде: понеже познание сие^(*) цент-
ральное есть НВ и не в видении и слышании, но
в силе состоит; а они все то увидят еще не из
центра Любви-света, но перифериально и мимо-
ходом.

Тут-то откроется в них крестная несозре-
лость, (незрелость) то есть самость, не точно
умерщвленная и во всех ея жизненных и само-
малейших пылинках на кресте самоотвержения
не изсушенная; самость оживет, и сама в себе
остановясь, повлечет в центр свой любовь, ко-
торая до того устремлена была в центр Любви-
света. Самость она сперва пребывает тут нес-
колько аки изумленной, а потом начнет сама
себя двигать. От сего движения самости прои-
зойдет в них сфера некотораго перифериальна-

^(*) которое на сердце человеку не взыде.

го просвещения, которое прибывает и убывает в них по мере сильного, или слабого ирритования, или, так сказать, натирания разумичной своей части избыточным тварным светом, или внешноструктурною красотою.

Великий Боже! Сам зришь, что бодрый от силы Твояе дух мой имеет немощную плоть, и что ни язык ея, ни рука ея не может изобразить того и в сотую часть, что Ты явил мне; но совершай однакож силу Свою в немощи недостойнаго раба Твоего, для прославления имени Своего, и для сохранения от диавольских сетей народа Твоего.

Понеже самасть человеческая есть черенок, привитый к древу самости первейшаго врага Божия (Луцифера), то сколь скоро отпрыснет она в них, (т. е. в падших оных из званых) или, как сказано, оживет; то тотчас уже и питается из него, в нем растет, расширяется и приносит многие плоды духа вражия, духа лестча; коими плодами имеют многие напитаться и сделаться (не знаю как сказать, и учинятся) духовно винтальны, или духовно кудрявы, т. е. потеряют простоту во всем и смирение, и чрез ту винтальность или кудрявость свою не попадут уже потом в миро-презренную и буюю, низкую, простую, в истинную дверь царствия Божия.

NB. Я сию кудрявость видел в духе крайне живо, и слышал сии слова (при некотором раз-

трясении, или развитии моем): *«дети да будут для вас лучшая книга!»*

И дивно, что сие (вышеписанное зла распространение) делается толико subtilно-духовным образом, что они и сами (т. е. приносящие такие плоды) вовсе того не видят, коею они духа суть, и даже заклинаят диавола, ревнуют крайне о добрых делах, ходят в церковь, молятся Богу, приобщаются святых Тайн, читают святое Писание, пишут и говорят о высоких таинствах и о своем просвещении; что все однакож не суть дела Духа Божия, кои одни токмо истинны и угодны суть Богу, и кои творятся единственно в самоотверженных и самости ни в чем, как в земном, так и небесном, не имеющих чадах Божиих.

Посредством онаго-то черенка делался, делается и делаться будет Сатана обезьяною в делах Божиих, кои Бог творил, творит и творить будет для спасения и изкупления рода человеческого; и сего-то ради нет ни Богослужения, ни молитвы, ни благоговения, ни поста, ни раточения для бедных имения, ни пророчества, ни веры, ни познания высочайших таинств, ниже нет мученичества как телеснаго, так и духовнаго, где бы человек не был во всем том обезьяною сею обманут, буде самость его не будет совершенно и точно, по примеру Иисуса, умерщвлена и даже изсушена на кресте.

Из яслей путь проложен во Святая Святых: се токмо есть одно и последнее состояние, т. е. смирение и самоотвержение, в коем и из коего на крылах веры и любви безопасно возлетают малоизбранные (не многие избранные) из числа многозванных к центру Любви-света, где прилагается им (открывается, дается) все прочее, якоже есть; и где помазуются они на истинныя дела Божия, (на службу Божию) яко-то, на проповедание слова Божия и тайн царствия небеснаго, на наказание (научение) в слове Божиим, и на сохранение и очищение его от адских плев, кои диавол сеет и сеять будет чрез пророков и апостолов своих; тож и на сбережение народа Божия: словом, где помазуются они в священники и цари.

Наконец сказуются, что центр также есть и в слове Божиим.

Читающий его для него, понеже оно есть Божие слово; любящий его для него, понеже оно есть истечение из центра любви, и есть центр любви, призывающей и спасающей род человеческий; очищающий и просвещающий себя от слова онаго и для него, понеже тьма с светом общения не имеет, сей токмо единственно может достигнуть центра его, и узреть в нем дивная, красная и неизреченно любообильная и сладостная Божия; кратко сказать: совершенно и всецеломудренно без самости читающий слово

Божие, или шествующий к Его света-жизни центру, потерянному человеком чрез падение первого грешника, един дойдет к центру сему, уразумеет тайны царствия Божия и обретет его, купно с приложением прочаго.

Ктож, не дошед самости ради до центрального его света, в коем едином можно зреть не ложно вся премудрая и дивная слова Божия, станет проникать в глубину таинств единою предшествующею чистоте разумичною частию (каковых примеров горестных и плачевных много было и есть); таковой проникнуть их истинно и центрально не может, а проникает их перифериально; и не так, якоже они суть, но якоже он зрит из собственной точки хаотического понятия своего.

От сего-то бывают и писания таковых ложны и к истинным писаниям церкви Христовой не принадлежащи; и от сих-то всех плев, хитросеяемых врагом Божиим (Луцифером) чрез самость служащих ему и созидающих его церковь, должны очищать и защищать слово Божие и церковь Христову помазанные в священники и цари.

Боже! Сам вразуми чтущаго и даждь ему зрети истину сию, не якоже являю, но якоже Ты явил мне!

III.

Нота на повесть, изображенную в письме третьем.

Приняв слово *восхищение* в значении таком, что человек бывает тогда аки бы кем выхвачен из самага себя и унесен выпррь, не могу я сказать, чтобы было со мною таким образом *посещение Духа Божия* тогда, когда оно было; ибо оно было так:

Я встаю обыкновенно по утру тогда, когда еще в доме моем не встает никто. Сие бывает до разсвета за два часа. В одно таковое время в самый момент молитвы моя подстрекнул меня кто-то, дабы я отведал чрез разныя духовныя движения мои и устремление их в вере в невидимые субъекты внутренних миров, не могу ли также и я видеть те вещи в подлиннике, которые видел я там и сям в одних токмо изображениях пером Автора.

Мысль сию принял я за приятнейшую и любезнейшую гостью; и тот же миг, будучи в глубоко-саббатическом состоянии начал искажаться. Небеса рыдали, видя меня в сем безумии, которое чрез полчаса времени и кончилось токмо

тем, что я уязвил совесть мою новым и достойным моих и братских слез грехом.

Еще не разсветало. Я прилег на канаве и начал слезно раскаяваться в том, что я сделал. В сем раскаянии моем вообразил я свою мерзость и укорял себя, что как мог я домогаться той Святыни, коя запрещена даватися псам. Чем более я, видя свою крайнюю нечистоту, смирялся, каялся и не щадил себя от ударов совести; тем более чувствовать я начал вдруг некоторое наитие на меня благой, кроткой, мирной и неизреченно сладкой теплоты.

Теплота сия, по мере приумножения своего, делала во мне некоторое духовное распрямление, и чем более распрямлялся я (смирялся) и растягивался, акибы опускался в низ из винтальности, или из кручености своей, тем более согреваем от нея был. Наконец, кажется, расправился я точно до младенческой простоты, где я ни раскаяния, ни омерзения к себе уже не чувствовал вовсе, и словом, не чувствовал ничего, кроме высочайшей и никаким словом неизобразимой простоты и смирения. В сем состоянии теплота она толико излилась на меня, что я, будучи в совершенном бдении, чувствовал весьма и весьма живо, как она теплоту жизни телесной втянула и поглотила в себя, и делала ея чувствительною, живою и бодрою в себе и из себя. Тут должны пресечься слова мои:

ибо не лъзя изобразить того, в каком я гармоническом и, можно сказать, бессмертном состоянии тела моего был. Кажется, что в нем ни умереть, ни поврежденну быть не лъзя. Скажу токмо под печатью скромности, что чрез сие явлено мне высочайше духовным явлением, как поглощается жизнью смерть и светом тьма; и как тление облекается в нетление. Впрочем да вразумит чтущаго Бог!

Немотствуя таким образом о состоянии телесном и о теплоте его, что скажу и сказать должен о моем духе, который проницательностию, живым познанием некоторых вещей, и прочим и прочим, превосходит искусство мое изображать его! В сем состоянии, которое казалось мне полу бдительным, уже происходило все, сказанное в повести; и когда стоял я пред дверьми и крылом, то происходило в духе моем некоторое гравирование тех истин, коих по нечистоте моей и беззакониям являю одну токмо тень, аминь.

БЕСЕДЫ Н. А. К.

Кратко записанныя Б. Д. котораго он был несколько времени наставником.

I.

Узнав от меня, говорит Д. какия читаю я книги и какия мне больше нравятся, говорил мне сей блаженной памяти муж следующее.

«Ежели бы мы знали самих себя, совсем бы иначе поступали. Самопознание показало бы нам, что нам нужно и полезно, и что вредно и бесполезно. Незнание самих себя есть причиною слепаго нашего стремления к высоким познаниям. Один читает такого-то високаго автора, другой сего, третий того. Но каковая польза от сего чтения тому, кто не знает еще и складов прямого онаго чтения? Я ничего более не могу тебе рекомендовать для чтения, как Иоанна Массона. Жадность к чтению високих мистиков не есть знак добраго основания. Ежелибы мне указали: этот настолько полюбил *Кемписа*, что везде его с собою носит – я бы с него глаз не спустил: ибо таковой добрую подает о себе надежду. Без деятельной и существенной работы, мы

точно не иное что есмы, как балагуры. Самопознание показало бы нам, что мы за твари, и какому игу порабощаем себя».

«Всякая вещь, к которой мы не равнодушны, ездит на нас верхом. Ежелиб мне надлежало изобразить привязанность нашу к тварям, то бы я от всякой любимой нами вещи протянул цепь к сердцу и приковал к ней оное».

«Мы должны *работать*, а не питать воображение высокими, но для нас мертвыми картинами вещей премирных; должны себя узнать, обрабатывать дичь. Ветхий Адам должен згнуть. Мы должны знать, что из нас и в нас вывариться должно. – Не спеши к познаниям: в чистый сосуд они сами вольтуются...»

II.

Получа ответ на данный мне вопрос: в чем состоит поклонение духом и истиною, говорил он следующее:

«Ежелиб человек мог себе наивозможнейше представить величество Божие и свою малость, он бы разсыпался. Бог толь велик, что человек не может довольно унизиться пред Ним. Ежели бы мы увидели себя, мы бы ужаснулись. Мы не иное что, как черви гнусные и псы смердящие:

как можем довольно унизиться пред Ним, как смеем прикасаться нечистыми руками к святым Его таинствам? и проч.»

III.

«Коль многие, говорил он, заблуждают, ища царствия Божия в одних словах, а не в деле! Читают высоких авторов, и думают, что они близки к таинствам.

«Натура столь обманчива и хитра, что может сама сделать себе своего Христа, свое Евангелие, как-то мы и видим. Она многия и высокия может иметь таинственные познания; но однакож они суть познания перифериальные, а не центральные, и не иное что, как пустой блеск. Таким блеском многие ослепясь, хватаются толковать и изъяснять святое Писание, будучи совершенные невежды».

«Ежелиб мне должно было говорить с таким, то я бы из двух вопросов узнал его насквозь. Я бы спросил, 1) что есть священное Писание? 2) сколько натур в священном Писании, и 3) как оно относится к человеку до падения и по падении его?»

«Многие ставят в параллель святому Писанию некоторыя книги, но сколь ошибаются они! Во

всех мистических книгах весьма много природы. Но в *священном Писании одна чистая благодать*. Ежелиб нужно было мое мнение о сем, то бы я смело после священнаго Писания поставил Кемписа о подражании Иисусу Христу».

Так разве не должно читать высоких авторов? спросил я.

«Я не говорю, продолжал он, чтоб не читать их, но не должно поставлять их целию; должно читать их равнодушно, благодаря Бога, и удивляться Ему в делах, открытых от Него достойным мужам».

Но таковое чтение, говорил я ему, заставляет меня ревностно *просить и толкать*.

«Ревностное моление наше, отвечал он, есть по большей части самолюбивое, натурою движимое. Молиться должно с некоторым как бы хладнокровием, ведая, что Бог непрестанно творит то, что Ему угодно. Было и со мною, что и я сильно кричал, просил и вопил: но после увидел, что сему не так быть должно; натура обманчива».

При сих словах рассказал я чувство мое, что когда я в темную ночь молюсь, часто приходит мне такая мысль: *вот, вот просветится свет и явится тебе Сам Христос*. На сие отвечал мне, что сие есть обольщение природы.

IV.

«Коль необходимо нужно, говорил он, глубокое смирение и уничтожение! Смиранные, терпеливые поступки просвещеннаго Бема, с какими должен он был переносить гонения от клеветников своих, важнее всех его писаний».

Весьма часто случалось мне слышать сожаление его о том, что многие хотят летать, не имея крыльев, или стараются только о знаниях, но не хотят ничего делать. — «Уже ли мы, говорил он, можем что иметь без собственного практического исполнения?»

«Многие невоздержные в пище жалуются, что они не могут воздерживаться, и просят Бога, чтоб Он им дал силу к тому. Уже ли думают они, что Бог сделает для них чудо? Разве им хочется, чтоб Бог отнял у них руку, когда хотят они брать ею пищу? Сие не было бы свободная воля. Надлежит решительно приняться за дело» и проч.

V.

Однажды изъявлял я ему чувствование, что при отправлении службы Божией приходит на

меня некая робость, с таким ощущением недостойности моего, что я не смею тогда ни петь ни читать. Он отвечал мне весьма строго сими словами:

«Надобно все делать просто, с простым сердцем, делать буквально, а не умничать».

«Я бы почел сие за знак истиннаго смирения, ежелиб кто столько был унижен, что кроме молитвы Господней ничего бы не отваживался говорить и читать: ибо сия молитва есть молитва всех молитв. Но мы и читать и молиться должны без умничанья; у нас Заступник велик!»

Тогда же по некотором молчании продолжал:

«Нет, мой друг, царство Божие не в словах, но в силе. Заметь себе: когда ты видишь юношу, у котораго щеки румяныя, красивыя, полныя, то знай, что тут нет Христа. Ветхий Адам должен быть распят; без креста не увидишь Христа, и не обнимешься с Ним в истинной сладкой любви. В толстых брюхах не живет Христос. Надлежит тому париться в огненной купели, кто хочет соединиться со Христом».

Сия беседа заставила меня стараться ближе с ним познакомиться; и спустя несколько времени объявил я ему сие мое желание; но тогда говорил он мне кротко:

«Чего ты ищешь от меня? Я тварь недостойная: Бог один богат, а мы все нищие; у Него просить должно. Жаль мне, что многие из дру-

зей наших стараются, ищут, а сами не знают чего? – Скажи мне, какая цель твоего искания? Я отвечал искренно: *быть орудием Иисуса*.

«Так подражай Ему всю твою жизнь», сказал он. Бери себе каждый день какую нибудь тему из правил священного Писания, и старайся действительно и точно поступать по ней. Знаю, что несколько дней с начала не исполнишь ты сего, но со временем Бог поможет».

VI.

Некогда говорил сей достойный муж: «мы должны как можно стараться о простоте сердца, с каковою надлежит исполнять пунктуально откровенные истины. Многие по невежеству стараются в разрисованных и разкрашенных цветках представить истину. Но то не есть чистая истина. Самые просвещенные писатели много имеют натуры в писаниях своих».

«В священном только Писании есть чистая благодать и нагая истина. К чтению онаго приступать должно с простым, смиренным сердцем и молитвою, а не лежа на постеле мягкой, как многие безумно делают. В священном Писании все тайны; но тайна всех тайн, и чудо чудес есть

воплощение вечного Слова, которую тайну мы будем изучать во все вечности вечностей».

VII.

«Умничанье наше, говорил он еще, и поверхностное, не переваренное чтение высоких писателей столько вскружили нам голову, что мы уже за стыд себе почитаем следовать наружным обрядам нашей церкви. Что мне нужды в том и том, говорит иной. За чем мне идти в церковь? я и дома, еще лежа на постеле, могу молиться духовно. – Ложное понятие о истинном состоянии молитвенном, или лучше сказать, совершенное невежество!»

«Самой простой крестьянин лучше нас. Он на один вздох от царствия небеснаго. Пусть водит его до времени звездное небо, но ему один только шаг стоит сделать: наше же умничанье крепко нас запутало, и мы старое потеряли, а нового не нашли. В таком состоянии надобно уже нам ревностно идти и не останавливаться».

«Положим, что и после сей жизни есть еще возможность прийти в первобытное состояние, но я сию будущую возможность и нынешнюю удобность мог бы так себе представить: на пример, хотя и трудно мне ныне дойти до М. (буду-

чи больному в деревне); однакож мог бы дойти в несколько часов. Но ежелиб мне отрубили руки и ноги, и по неволе должен бы был ползть на брюхе, то таковое шествие во сколько раз было бы труднее и продолжительнее онаго? – Точно так удобно достигнуть нам царствия небеснаго в сей жизни, как мне удобно дойти до М. и точно же так напротив трудно достигнуть онаго в будущей жизни, как я по сравнению сказал выше; но и то, ежели есть еще луч милосердия Божия к нам после смерти».

VIII.

«Мы должны стараться видеть собственными глазами, а не чрез очки ; должны уметь читать *собственную свою книгу*».

«Чрез чтение просвещенных авторов не придет в нас царствие Божие. Мы должны быть собственными Бемами для себя. Мы должны стараться найти в себе самих настоящую точку зрения и истинный ключ к разумению всех писаний».

«Многим сие странно кажется, когда я, будучи почти невежда, не читавши никаких почти высоких ваших книг, скажу что нибудь при случае из маленьких листков собственной моей

книги, и то самым простым моим языком. Есть у меня ныне некоторыя такого рода книги, но я ни одной не прочитал всей по порядку; ибо где я ни разкрою, и что ни прочитаю, кажется, что то будто вылилось из моего сердца, и для меня не новое».

«Каждаго из оных авторов вижу я, в каком духе и на какой степени он то писал. Различие сих степеней есть причиною, что иной меньше, а другой больше имеет натуры и собственности в писаниях своих, и потому иной в 20, другой в 5, третий в 1-м томе мог выразить открытыя ему истины. Иные из таковых писателей хватались за перо, как скоро чувствовали духовное первое восторжение к показуемой им истине, еще как бы при смеркании, а другие гораздо позже».

«Царствие Божие уподобляется *трем сатам, сокрытым женою в муке, пока все вскиснет*, т. е. пока все три части человека, дух, душа и тело как бы перебродают и вскиснут в новой жизни и силе чрез возрождение. Тогда ясныя и чистыя истины могут уже быть сообщаемы пером без примеса натуры».

«Ежели бы я все то записывал, что происходило со мною на чудном пути моем, написал бы целую стопу бумаги».

«Истина открывается всякому особо, и сообщается в таком духе, какого качества и способно-

сти натуральный его дух. Иному премирная вещи открываются в солях и елейностях, другому в водах, третьему в линиях, и так далее. Все духовные писатели описывают одно, но каждой особо и отлично, и для каждого свой путь очищения и откровения, хотя путь един и познание едино».

«И так старайся быть собственным Бемом; ибо каждый истинный бр. таков. Без сего же будешь смотреть в чужия очки и не будешь иметь живаго, собственного света».

IX.

Некогда в благорастворенные Майские вечерние часы прогуливался сей достоуважаемый муж, в сопровождении трех особ, с которыми находился и я. Сидши под тению густых дерев, рассматривали мы приятное местоположение, где на зеленом лугу паслось стадо овец. Одна из бывших с нами дам подала материю к весьма важному разговору. (Чего он NB никогда сам не начинал, ежели другой не подавал ему случая к сему так, что после подобнаго разговора сам однажды мне сказал: ежелиб сам Ангел с неба благовестил мне давеча по утру, что я с таким-то буду говорить о сей материи, я бы ему не

поверил). Оная особа, глядя на овец, сказала: там мать бляет по своем дитяти: не доказывает ли сие, что мать более любит дитя, нежели дитя мать?

По некотором молчании отвечал покойный К. «да, не указывает ли сие и на то, что и Бог в тысячу тысяч раз более любит нас человек, нежели человеки Его». Помолчав еще не много, продолжал выразительным тоном, говоря к той же даме.

«Скажи мне, что такое Бог?»

Бог есть Любовь, овечала она.

«Как же? ведь написано, что Бог есть огонь пожирающий», прибавил покойный К.

На сие отвечала ему: я уж этова не знаю. — После некотораго также молчания продолжал:

«Ежелиб мы узнали, что есть Бог, мы бы изумились. По моему невежеству и грубому понятию, я бы осмелился изобразить действие Его таким примером: возьмем мы лимон и кусок сахару. Лимон по натуре своей кисл и остр, а сахар сладок и размягчающ. Ежели лимонной кислой сок смешаешь с сахарною сладостию, будешь иметь наиприятнейший лимонад; но ежели оную сахарную сладость смешаешь с*

* Поскольку в доступном нам экз. следующий далее текст частью испорчен, приводим факсимиле страницы; смысл примера Краевича, однако, вполне понятен (*Прим. ред.*).

паешь съ острою слью ;
 она же сладость, составля-
 я съ кислотою прїятнїйшїй
 оръ, будетъ солю испорче-
 претворена въ пропивный
 врапительный вкусъ.—Симъ
 ѡбромъ хочу я показати, какъ
 есть любовь и огонь пожи-
 цїй. “

„Ежели мы принимаемъ въ
 качество сладости, то пре-
 ствляемся въ сладость и
 ювь. Тогда Богъ есть для
 любовь, благость, кротость
 ождьленнїйшая. А ежели мы
 зумъ себя въ качество ос-
 й соляности, претворяемся
 ѡдкое существо, и Богъ бы-
 пь для насъ огонь пожирающїй:
 какое качество мы въ себя
 нимаемъ, пѣмъ и дѣлаемся.
 ! сказалъ онъ вздохнувши, ко-

Е

острою солью; она же сладость, составляющая
 с кислотою приятнейший <...>, будет солю ис-
 порчена и претворена в противный отвратитель-

ный вкус. – Сим примером хочу я показать, как Бог есть любовь и огонь пожирающий.

Ежели мы принимаем в <себе> качество сладости, то пре<сущест>вляемся в сладость и любовь. Тогда Бог есть для нас любовь, благодать, кротость вожденнейшая. А ежели мы <преоб>разуем себя в качество острой соляности, превращаемся в <...> существо, и Бог <...> для нас огонь пожирающий: какое качество мы в себя принимаем, тем и делаемся. <...> сказал он вздохнувши, колико должно опасаться соляного качества, и колико должно стараться казаться себя в сладость!» и проч.

Конец.

М. Н. Баккаревич

НАДГРОБНЫЙ ПАМЯТНИК^(*)

Ввечеру, на кануне дня Преображения Спасителя человек, с почтенным Н. Н. – которого благодеяния живо запечатленны во глубине души моей – поехал я в Новоспасской монастырь. Вышед из кареты, он вздумал посетить Настоятеля, а я пошел бродить, куда глаза глядят. На левой стороне, идучи от *святых ворот*, подле церкви, представилось мне несколько надгробных памятников. Я люблю трогательные предметы; люблю места, приводящая меня в задумчивость, и погружающая сердце мое в томное уныние. Мраморы и кипарисы, рощи и вертепы, шум буйных ветров и журчание тихаго источника в дубраве пустынной – все сие пленяет дух мой и настраивает его к очаровательным мечтам. Тут благодетельная фантазия покрывает меня своею мантиею, и я предаюсь сладостной дремоте. Все во мне молчит; все силы души засыпают; одно воображение действует, и носясь по неизмеримому пространству *возможностей*, пишет разнообраз-

^(*) Прозаической сей отрывок писан еще 1795 года, в Августе. Я решился его напечатать.

ные картины, и заставляет меня забыть на некоторое время горести, терзающая бедных смертных здесь, *здесь – в сей юдоли плача и скорби...*

Последуя сердечному влечению, направил я шаги свои к усмотренным мною памятникам, и – вошел в то безмятежное пристанище, где утруженный странник, по долговременном, бедственном путешествии, наконец стирает пот с лица своего, бросает страннический жезл свой, и в радостном упоении восклицая: *ныне отпускаеши раба твоего с миром!* водворяется в дому тесном, и заваливает вход в него сырою землею – вздохнул я, вздохнул из глубины сердца. Но что означает вздох сей? конечно не страдание, не жалость о вселившихся здесь тружениках – они блаженны, они почивают в недрах мира и тишины – но стремительное желание – скорее соединиться с ними... Я ходил взад и вперед; глаза мои перебегали от предмета к предмету. Много видел я надгробий, много читал эпитафий – были хорошия, но не для меня. Наконец пришел я к одному памятнику, который привлек все мое внимание. Это был *Крест*, вышиною футов в пять или шесть, зделанный из дикаго камня, с маленькими по местам выпуклостями; но искусство так близко подошло к натуре, что кажется он деревянным, выросшим на том же самом месте. Нижняя часть его, представляющая древесные корни, утверждена на каменном пиедестале,

которой имеет вид не большой горы; всеж вместе обнесено железною четвероугольною решеткою. – Просто, но прекрасно! – Внизу, на северо-восточном углу пиедестала находится из белаго мрамора урна с желтою маковкою; а по обеим сторонам его, к востоку и западу, видны две белыя мраморныя дощечки, прикрепленные по всем четырем углам медными гвоздями. На одной из них начертана следующая надпись:

*Лежащий здесь искал отвергнуться себя,
Стремился ко Христу, жизнь крестную любя.
По тесному пути ведом любви рукою,
Чрез крест во свет прешел – к небесному покою* (*).

(*) И теперь иногда посещаю я сей интересный для меня монастырь, и всегда провожу по несколько минут подле памятника, здесь описанного. Не редко случается мне видеть там и других посетителей; случается видеть, что они, оставляя без внимания прочия суетностию поставленные надгробия, прямо идут ко кресту, рассматривают его с чувством внутренняго благоговения, и читая надпись, кажется, приемлют твердое намерение *отвергнуться себя*. Чтож привлекает их к памятнику? – Простота его, приличная месту, и высокое Евангельское изречение, содержащееся в эпитафии, – изречение, без исполнения котораго нет пути к вечному блаженству. Таковы должны быть надгробные памятники! таковы должны быть эпитафии!

Надпись сия сделала живое, глубокое впечатление в душе моей. Раз десять читал я ее – и всегда с новым удовольствием, всегда с новым благоговением к усопшему. Благословляю прах твой, сказал я наконец с тихим вздохом; благословляю память твою, Христоименитый воин! участь твоя завидна: ты умел ходить по пути тесному и тернием усеянному. Крест был твоим *оружием*, а любовь твоим *воздем*. С ними одолел ты внутреннего врага, с ними достигнул небеснаго града, вошел в селения праведных, и приобщился к свету невечернему. -- На другой дощечке прочел я сии строки:

«Здесь погребено тело Н*** А*** К***, на 34 году жития своего, по многих болезненных страданиях в вечное жилище преставльшагося, – в Москве, 24 июня, 1790 года. – Друг его соорудил сие надгробие (*)».

По многих болезненных страданиях! – повторило сердце мое. Но кто не страждет, кто не мучится в подлунном мире? И блажен тот, кто менее других плавает по бурной стихии горестной сей жизни! блажен тот, чья ладья скорее достигает безбеднаго пристанища вечности! блажен и ты, крестоносный страстотерпец! Кратко течение

(*) Друг сей делает честь нашему времени.

твое на земли, и мзда делания твоего в руке Отца светов.

*Там, там, за синим Океаном,
Вдали, в мерцании багряном; –*

там ликуешь ты в куцах райских, и венец нетления, венец присной радости сияет на челе твоём. Я не знал тебя в сем мире, но узнаю в том – узнаю, когда дух мой свергнет с себя земныя оковы и возвратится к своему началу. Но скоро ли наступит жадаемая сия минута?... Тут еще вздохнул я, сорвал желтенькой цветок, бросил его на урну, и – пошел к почтенному своему сопутнику. --

Мхл. Бжкв.

Н. А. КРАЕВИЧ

Краткий биографический очерк

Николай Александрович Краевич (1757 или 1758-1790) – масон, в 1780-х гг. ассессор Палаты уголовного суда в Орле.

Вместе с братом, орловским помещиком К. А. Краевичем, Н. А. Краевич состоял в местной ложе Возрастающего Орла. Эта ложа была основана в 1784 году под главным управлением И. В. Лопухина и материнской ложи Трех Знамен и просуществовала до 1792 г. В ложу входили в основном местные чиновники во главе с другом Лопухина, вице-губернатором З. Я. Карнеевым, который стал мастером ложи.

Будучи человеком болезненным (он страдал припадками, похожими на эпилептические, которые сопровождались видениями), Краевич в сравнительно молодом возрасте был вынужд

В конце 1780-х гг. он жил в деревне под Москвой, пользуясь моральной и материальной поддержкой братьев-масонов и прежде всего Лопухина. Так, в одном из писем к последнему Краевич благодарит его за присылку мебели, чая и денег.

Судя по указаниям Лопухина, многие дошедшие до нас писания Краевича, включенные в книгу «Луч благодати», были составлены им в последние месяцы жизни (не ранее весны 1789 г.). Скончался Краевич 24 июня 1790 г. и был похоронен в московском Новоспасском монастыре.

Масоны ценили в Краевиче визионера, сравнивая его с Я. Беме; отправляя в 1805 г. сочинения Краевича М. М. Сперанскому, Лопухин писал, что этот автор «подлинно имел Bohmí'ческое просвещение». Чтили его и как мыслителя, остро поставившего вопрос о борьбе с «самостью» и отказе от ложной «винтальности или кудрявости» книжного умствования. «Всяк из нас должен быть Бемом» – таков был лозунг Краевича.

Уже в 1790 г. Лопухин собрал «Созерцания» или мистические откровения Краевича в книгу под заглавием «Les fruits de la Grâce, ou les Opuscules spirituels de deux F. M. du vrai système» («Плоды Благодати, или Духовные труды двух Ф. М. истинной системы»); в этой книге, куда вошли также сочинения кн. Н. В. Репнина, видения Краевича – в переводе на французский – были опубликованы под общим названием «Révélations faites au Fr. С...» (нет никаких оснований именовать их, как делают некоторые исследователи, «мистическим романом»). Книга известна также под заглавием «Les fruits de la Grâce, ou Opuscules spirituels de deux amateurs de la Sagesse» («Плоды благодати, или Духовные труды двух любителей Премудрости»).

Долгое время считалось, что «Луч благодати», изданный Лопухиным без указания места и года печати, вышел в свет в XVIII в. Однако в 1902 г. Н. И. Березин указал, что книга была «напечатана на синеватой бумаге, следовательно, в царствование Имп. Александра I». В начале 1960-х гг. на основании анализа водяных знаков библиографы пришли к заключению, что книга была напечатана не ранее 1804 г.

Любопытно, с другой стороны, что Лопухин в октябре 1805 г. отправил Сперанскому не более полный «Луч благодати», а «Les fruits de la Grâce», которые сам же охарактеризовал как «перевод с Русского манускрипта некоторого Краевича»; возможно, это может служить указанием на то, что книга была издана в конце 1805-1806 гг.

Известен также целый ряд списков конца XVIII-начала XIX вв. как с «Les fruits de la Grâce», так и с «Луча благодати» – «Плоды благодати или духовные мысли двух любителей премудрости» (ОПИ ГИМ. Ф. 450), «Луч благодати или писания Н. А. К.» (РО РНБ. Q.III. 67. Лл. 196-204 об.), «Писания и откровения просвещенного бр. К.» и др. (ОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 569-573).

Литература

Вернадский Г. В. Массонство в царствование Екатерины II. СПб., 1999.

[Лопухин И. В.]. Письма И. В. Лопухина к М. М. Сперанскому // Русский архив, 1870.

Н. Б.<ерезин>. Русские книжные редкости: Опыт библиографического описания редких книг с указанием их ценности. Ч.1. М., 1902.

Плюханова М. Б. Краевич Николай Александрович // Словарь русского языка XVIII века. М., 1988-1999.

Пыпин А. Массонство в России: XVIII и первая четверть XIX в. М., 1997.

Саран А. Ю. Орловские масоны и книжная культура России // Седьмые Денисьевские чтения: материалы межрегиональной научно-практической конференции... Орел, 2011.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725-1800. Т. 1.: А-И. М., 1962.

ПРИМЕЧАНИЯ

Н. А. Краевич. Луч благодати

Публикуется в новой орфографии по изд.: *Луч благодати или писания Н. А. К.* Б.в.д.. [М., не ранее 1804].

С. 7. *Письма к Л**** – т.е. составителю и издателю книги И. В. Лопухину (1756-1816), государственному деятелю, публицисту, виднейшему представителю и организатору русского масонства.

С. 7. ...*друг, не...* – означенный троеточием пропуск в оригинальном издании.

С. 9. ...*перелесть во двор радости и мира* – Здесь и далее в форме аллегорического рассказа обыгрывается проповедь Иисуса о «воре и разбойнике», который влезает во двор овчий через ограду, в то время как входящий через дверь есть «пастырь овцам» (Ин. 10).

С. 10. *Аз есмь дверь!* – слова Иисуса: «Аз есмь дверь: Мною аще кто внидет, спасется, и внидет и изыдет, и пажить обрящет» (Ин. 10:9).

С. 10. ...*нищими духом* – «Блажени нищие духом: яко тех есть Царствие Небесное» (Мф. 5:3), слова Христа из Нагорной проповеди.

С. 13. ...*вертиж* – головокружение (устар., от франц. vertige, лат. vertigo).

С. 14. ...*духовное крещение оканчивается хором Исаие ликуй* – тропарь «Исаие ликуй, Дева име во чреве, и роди Сына Еммануила, Бога же и человека, Восток имя Ему, Его же величающе, Деву ублажаем» поется при хиротонии (рукоположении) священника и совершении таинства брака.

С. 14. *Шведенборг* – Э. Сведенборг (1688-1772), шведский ученый, философ, теолог, знаменитый мистик и визионер.

С. 14. ...*другаго Автора... Порд...* – Имеется в виду И. Пордеч (Д. Пордедж, 1607-1681), англиканский священник, астролог, алхимик, выдающийся английский последователь Я. Беме; видимо, Краевич знал труды Пордеджа по рукописям, т.к. его книга «Божественная и истинная метафизика» была напечатана в тайной масонской типографии не ранее 1790 г.

С. 15. ...*многоочитым и везделичным животным... Иезекилю* – т. наз. «видение Иезекииля» (Иез. 1).

С. 15. ...*и еще Н. И... (И. А. П.) – Н. И.* – Н. И. Новиков (1744-1818), просветитель, журналист, издатель, выдающийся деятель масонского движения; *И. А. П.* – Иосиф (Осип) А. Поздеев (1746-1820) – видный масон, розенкрейцер, прототип Баздеева в «Войне и мире» Л. Н. Толстого.

С. 19. *Картину получил... Изображение храма природы и благодати* – Речь идет об аллегорической гравюре с подписью «Любовь на непоколебимом столпе веры утверждающаяся указывает прямой в церковь истинную путь, который есть терновый путь Креста и самоотвержения», сопровождавшей ряд изданий книги Лопухина «Некоторые Черты о Внутренней Церкви...» (1798). Как писал Лопухин, «она переведена очень хорошо на французский язык; и сей перевод также напечатан в С. Петербурге; а после вышло онаго издание в Париже с аллегорическою картиною в заглавии моего же сочинения, изображающею храм природы и благодати, с моим же изъяснением, которое на Русском при картине оной в большем виде выгравировано в Москве. Недавно картина сия с Французским изъяснением, наилучшим образом выгравирована в Лондоне» (*Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительнаго тайнаго советника и сенатора И. В. Лопухина, составленныя им самим*. Лондон, 1860. С. 37-38).

С. 21. *Перевод изъяснения песни песней Гжи Гион* – Ж. М. Гюйон, урожд. Бувье де ла Мотт (1648-1717), французская писательница, философ, крупнейшая представительница квиетизма; здесь говорится о ее сочинении «*Le Cantique des cantiques de Salomon, interprété selon le sens mystique et la vraie représentation des Etats intérieurs*» («Песнь песней Соломона, истолкованная в мистическом смысле с истинным показанием внутренних состояний», 1688).

С. 28. ... и узрят, яже око не виде, и яже ухо не слыша... на сердце человеку не взыде – 1 Кор. 2:9.

С. 29. ...буюю – от «буйи» (устар.). – неразумный, здесь в контексте «нищих духом».

С. 33. ...саббатическом состоянии – буйном, от франц. sabbatique.

С. 36. *Кратко записанныя Б. Д.* – т.е. братом Д. И. Дмитревским (1758 или 1763-1848), переводчиком и литератором новиковского кружка.

С. 36. *Иоанна Масона* – Иоанн Масон (Джон Мейсон, 1706-1763) – английский священник, теолог, чья книга «О познании самого себя» («*Treatise on Self-Knowledge*», 1745) была обязательным чтением для российских масонов и вышла двумя изданиями в 1783 и 1786 гг.

С. 36. *Кемпис* – Фома Кемпийский (ок. 1380-1471), немецкий католический монах, священник, религиозный писатель, предполагаемый автор прославленного сочинения «О подражании Христу».

С. 45. ...*трем сатам, сокрытым женою в муке* – Подразумевается одна из притч Иисуса: «подобно есть Царствие Небесное квасу, егоже взявши жена скры в сатех триех муки, дондеже вскисоша вся» (Мф. 13:33).

М. Н. Баккаревич. Надгробный памятник

Публикуется в новой орфографии по изд.: *Приятное и полезное препровождение времени*. Ч. 16. М., 1797. Вслед за журнальной публикацией эта прозаическая элегия вышла в свет отдельным изданием в 1798 г.

М. Н. Баккаревич (1775-1819) – литератор, журналист, государственный чиновник, в 1790-х гг. преподаватель русской словесности в Московском благородном пансионе, инициатор создания литературного Собрания воспитанников пансиона, оказавший в эти годы большое влияние на В. А. Жуковского.

С. 52. *Лежащий здесь искал отвергнуться себя...* – В эпитафии обыгрывается евангельское изречение: «иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет» (Марк 8:34).

С. 54. *Там, там, за синим Океаном...* – концовка «Послания к Дмитриеву» Н. М. Карамзина (1794): «И ангел мира освещает / Пред ним густую смерти мглу. / Там, там, за синим океаном, / Вдали, в мерцании багряном, / Он зрит... но мы еще не зрим».

Оглавление

Луч благодати или писания Н. А. К.	5
<i>М. Н. Баккаревич</i> . Надгробный памятник	50
Н. А. Краевич. Краткий биографический очерк	55
П р и м е ч а н и я	59
Книги серии Gemma magica	65

**В серии «Gemma magica»
вышли книги:**

Райские цветы, помещенные в семи цветниках. 80 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. I).

Первая книга серии «Gemma Magica. Материалы и исследования по истории магии и оккультизма» знакомит читателя с редкостным масонским изданием – переводом мистического шедевра XVII в. «Херувимский странник».

История доктора Джона Фаустуса. 40 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. II).

Впервые на русском языке – перевод народной книжки о знаменитом чародее и некроманте докторе Джоне Фаустусе, изданной в Англии в 1787 году.

Крата Репоа. 100 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. III).

Первое за почти 100 лет полное переиздание знаменитого трактата «Крата Репоа» – таинственной книги,

которая оказала глубокое влияние на судьбы европейского и русского масонства XVIII-XIX веков и стала «фундаментальным документом» европейской эзотерики в целом.

М. И. Попов. Описание древняго славенскаго языческаго баснословия, собраннаго из разных писателей, и снабденнаго примечаниями. 80 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. IV).

«Описание древняго славенскаго языческаго баснословия» (1768) одаренного писателя, поэта и переводчика М. И. Попова стало одним из первых сочинений, ре/конструировавших мифологический пантеон, демонологию и народную магию древних славян. С XVIII в. этот важный источник оставался труднодоступен для широкого читателя.

Артур Конан Дойль. Пришествие фей. 241 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. V).

Словно великий сыщик Шерлок Холмс, сэр Артур Конан Дойль, блестящий писатель и убежденный спиритуалист, расследует в этой книге историю с фотографиями фей, сделанными в первые десятилетия XX в. двумя девочками из глухой английской деревушки. Первый полный и откомментированный перевод на русский язык.

Джон Ди. Рог Венеры. Священная Книжица черной Венеры. 68 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VI).

Первый русский перевод любопытного гримуара XVI века, чье авторство приписывается выдающемуся английскому ученому и эзотерику, советнику королевы Елизаветы I, герою многих книг и легенд Джону Ди. В этой магической книге рассказывается, как с помощью ритуала «Рога Венеры» вызвать демонов и заставить их повиноваться и разыскивать спрятанные сокровища.

Ильин А. Я. Из дневника масона 1775-1776 гг. 54 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VII).

Дневник А. Я. Ильина – ценный исторический документ, рассказывающий о временах расцвета российского масонства и повседневной жизни и деятельности масонского мастера последней четверти XVIII столетия. Подготовленный к печати в начале минувшего века известным историком В. И. Саввой, дневник Ильина впервые за более чем 100 лет публикуется в полном объеме, с включением масонского шифра – «Литер ордена В.К.».

Гримуар заклинания духа места. 41 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VIII).

Французская рукопись XVII века под названием «Гримуар заклинания духа места» в последнее время привлекает к себе растущее внимание. Этот необычный гримуар, глубоко укоренный в традиции магики-гримуар-

ной литературы, сочетает языческие и христианские мотивы с элементами народной карнавальной обрядности, идею жертвоприношения с церемониальным ритуалом вызывания духов. «Гримуар заклинания духа места» впервые переводится на русский язык.

Р. Бернулли. Духовное развитие в алхимии и смежных дисциплинах. 95 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. VIII).

Работа швейцарского искусствоведа Р. Бернулли, близкого к К. Г. Юнгу, трактует алхимию как духовную дисциплину, направленную на всеобъемлющую трансформацию мира и человека. Во второй части работы, заложившей основы юнгианской трактовки алхимии, на ряде примеров делается попытка истолкования визуальной символики алхимии. Первый русский перевод этого классического труда.